Валентина МИНУЛЛИНА.

ЖИЗНЬ-КОПЕЙКА

Самое дорогое, самое бесценное на свете – человеческая жизнь. Все это знают как аксиому. Тем непостижимее тот факт, что подчас люди обращаются и с чужой, и со своей жизнью так, словно цена ей – копейка в базарный день...

В трагических историях, которые я хочу рассказать вам сегодня, фамилии не названы вовсе не из этических соображений, а потому лишь, что подобные случаи при всей своей нетипичности, к величайшему сожалению, стали слишком обыденным явлением нашей с вами действительности. И это порождает в душе глубокую печаль...

В свои 75 Ананий Гордеевич выглядит вполне моложаво и бодро. Может, потому, что всю жизнь очень берег собственное здоровье: не пил и не ел лишнего, вовремя ложился спать и рано поднимался, не перегружал себя тяжелой работой и, что примечательно, постоянно совершал прогулки по свежему воздуху. Когда был моложе, активно занимался физкультурой. Именно физкультурой, а не спортом: ежедневно делал гимнастику — подтягивался, отжимался и т. д. Даже фехтованием занимался... На социальном российском фоне 40-60-х годов двадцатого века такой деловой подход конкретного индивидуума к своему здоровью выглядел, по меньшей мере, непривычно и странно. И окружающие относились к Ананию Гордеевичу весьма настороженно. К тому же они видели, что при тщательном уходе за собственным здоровьем, он не щадил ни физического, ни душевного здоровья близких людей: обращался с ними грубо, жестко до жестокости. За глаза соседи называли его бендеровцем.

Но отношение соседей Анания Гордеевича мало волновало: он достаточно легко расстался с первой женой, нимало не беспокоясь, чем и как живет оставшаяся с ней дочь. После развода он много раз сходился с женщинами, но всегда ненадолго – сожительницы не понимали и не разделяли его образа жизни, не выдерживали его жестокости. Тем не менее его последняя жена родила ему сына. Ананию Гордеевичу тогда уже было прилично за пятьдесят, и своего последыша он назвал в честь отца Гордеем — в конце семидесятых старинные русские имена уже прочно вошли в моду. А спустя год после рождения младенца на свет его мать пропала. Ее труп нашли в Урале, но для соседей истинная причина гибели женщины так и осталась тайной за семью печатями.

Он воспитывал сына один. И соседи, бывшие невольными свидетелями «методов» этого воспитания, все более утверждались во мнении: бендеровец — он бендеровец и есть. Дома у них практически никто не бывал. Ребенок постоянно ходил в обносках, плохо одетый даже в зимнюю стужу. Приучая мальчика к труду, отец заставлял его делать непосильную работу, а за некачественное и несвоевременное ее выполнение сурово наказывал. Гордей все время смотрел на мир голодными глазами, и соседи старались подкормить мальчика, чем могли. Но от отца это старательно скрывалось, иначе ребенку не миновать было порки. Ананий Гордеевич за каждую, даже самую малую провинность бил сына так беспощадно, что от боли ребенок кричал на весь подъезд. Зимой за непослушание отец выгонял Гордея на улицу полуодетого, уходя на работу, он запирал его на ключ, запрещал приглашать в дом друзей и общаться с соседями. Соседи все же иногда пытались вмешаться в судьбу ребенка, даже милицию вызывали. Но, видимо, извечная и несомненная трезвость родителя приводила стражей правопорядка в смущение – никаких мер к жестокому отцу они не применяли, и все оставалось по-прежнему. В конце концов милиция и реагировать на соседские вызовы перестала.

В подростковом возрасте Гордей начал убегать из дома, и к двадцати годам имел уже две судимости. Но из мест заключения оба раза он возвращался к отцу – идти-то больше было некуда...

Взаимоотношения с отцом, конечно, не могли уже сделаться лучше – если уж совсем в невинном возрасте ему «каждое лыко было в строку», то чего ждать дважды судимому за кражи? В квартире были ежедневные скандалы. Но соседи в основном слышали ругань отца, а голос Гордея как и в прежние годы доносился до них лишь криком боли от побоев. Понятно: в местах заключения сил и здоровья не наберешься – и в двадцать лет сын не мог оказать серьезного сопротивления 75-летнему отцу, который по-прежнему ведет трезвый образ жизни и занимается по утрам зарядкой.

В то осеннее утро Ананий Гордеевич вернулся домой с очередной пробежки по берегу заводского пруда в половине восьмого. А через два часа соседи услышали звон разбитого стекла, а затем крик Гордея – он обращался ко всем, кто только мог его услышать:

— Вызовите «скорую» и милицию!

Работники милиция приехали на вызов нескоро, но в квартиру войти не смогли – никто им не открыл двери. За ними было тихо, и видимых причин для вмешательства в частную жизнь граждан не было.

«Сотрудники милиции стучали в дверь, представлялись и требовали открыть. Но я не открывал, так как был в шоке и хотел сначала успокоиться. Через некоторое время выглянул из окна и, убедившись, что милицейская машина уехала, пошел прогуляться на р. Урал. Затем сходил на ярмарку у Курантов, купил хлеб и кефир. После этого поехал в Ленинский РОВД, где сообщил о происшествии...» (из показаний отца).

Ананий Гордеевич был задержан, а работники милиции, приехавшие в его квартиру, обнаружили там труп Гордея. На его теле эксперты обнаружили три колото-резаные раны шеи с повреждением языка и глотки, слепое, проникающее ранение в живот с повреждением печени, желудка и кишечника, колото-резаную рану на пояснице с проникновением в брюшную полость и повреждением толстого кишечника, такую же рану на груди и множество порезов на лице и руках. Алкоголя в крови убитого обнаружено не было...

Исследователь прокуратуры Р. Акманов, и прокурор Ленинского района Е. Ботвинкин, и судебная коллегия под председательством В. Сероштанова в выводах и причине убийства отцом сына были единодушны – трагедия стала возможной и произошла на почве личных неприязненных отношений между отцом и сыном. Согласился с этим выводом и областной кассационный суд. Вовсе не подвергая сомнению этот вывод, задаю себе вопрос: как, на каких корнях могла вырасти эта в буквальном смысле убийственная неприязнь между двумя самыми родными людьми? И в памяти почему-то возникает образ Тараса Бульбы, убивающего своего сына. Правда, мотивация страшного поступка Бульбы иная, о личной неприязни к сыну он и речи не вел.

...Суд приговорил 75-летнего пенсионера Анания Гордеевича к шести годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима. Вполне возможно, что при столь бережно сохраняемом всю жизнь здоровье, он доживет до конца срока. Только вот во имя какой цели?

Вторая история не менее жуткая, хотя и не столь трезвая.

Жили-были брат с сестрой, Елена и Виктор. У Елены еще были двое несовершеннолетних детей. На всех четверых они имели одну двухкомнатную квартиру, доставшуюся от родителей. Она-то и стала яблоком раздора и возникновения между сестрой и братом неприязненных отношений. Оба уже давно нигде не работали, перебиваясь на случайные заработки. Причем чаще всего все деньги тратились на выпивку.

Старшая сестра, сорокалетняя Елена, — уже трижды была судима, дважды побывала в местах лишения свободы за кражи, дважды была лишена родительских прав, но, вернувшись из заключения, все же добивалась возвращения детей. Характер у нее взрывной, особенно была она агрессивна под парами спиртного. Брат, наоборот, чем больше выпивал, тем становился мягче и беззащитнее. В их доме постоянно толпилась пьяная компания; все выпивохи квартала знали: если идешь с бутылкой, двери квартиры Елены и Виктора откроются в любое время суток.

Только вот после последней Елениной «ходки в зону» отношения между сестрой и братом стали заметно портиться. Наверное, тихий алкоголик Виктор устал от шумных приятелей сестры, поэтому все чаще настаивал на разделе квартиры. Конечно, одинокому мужчине можно и с соседями жить, а зачем это женщине, у которой двое ребятишек? И Елена, напившись, все чаще избивала брата. Хватала все, что попадалось под руку – хоть поварешку, хоть стул. А однажды в руки попал кухонный нож. Правда, увидев родную кровь, она испугалась, сразу же бросилась оказывать первую помощь, вызвала «скорую». Ножевая рана груди хоть и была болезненной, но особого расстройства здоровью Виктора не принесла, и он отказался от возбуждения против сестры уголовного дела. А через полтора месяца она убила его обыкновенной табуреткой...

Ссора разгорелась как обычно. Сидели дома с компанией, выпивали. Ушли одни гости, пришли другие. Виктор снова заговорил о разделе жилья, и его слова показались Елене настолько возмутительными, что она бросилась на него драться. Сначала она била его кулаками и ногами, но этого ей показалось недостаточно, и Елена схватила стоящий рядом табурет. Она била брата табуретом по голове и кричала:

— Я тебя лучше убью, чем дам разделить квартиру!

Психологи утверждают, что существует определенный тип людей, которых чужая боль и кровь только возбуждают. И, судя по всему, к этому типу людей следует отнести и Елену. Она била брата и, видя, как он пытается закрыться руками от ударов, как медленно сползает на пол, приходила еще в большую ярость. А вид крови побудил ее в щепки разбить табурет о голову Виктора.

Потом она спокойно пошла провожать собутыльника, а вернувшись к своему подъезду, как-то очень уж буднично сказала встретившейся соседке:

— На этот раз я, наверное, уж точно Витьку убила...

Младший брат скончался в больнице, не приходя в сознание, и уже не мог оправдать сестру, как в прошлый раз. Было возбуждено уголовное дело, и Елена начала выкручиваться, как только могла. То она говорила, что брата избили неизвестные на улице, то пыталась переложить вину за его убийство на собутыльников, то придумывала новую версию. Но следователя прокуратуры поражала не изощренная лживость и изворотливость обвиняемой женщины, а абсолютное отсутствие жалости к убитому ею родному брату, отсутствие обыкновенного человеческого раскаяния, неприкрытый, редкий даже для нашего жестокого времени цинизм...

В приговоре суда, как и в обвинительном заключении, причиной трагедии вновь названы личные неприязненные отношения родственников. Мерой наказания за совершенное убийство суд определил Елене лишение свободы сроком на девять лет в колонии общего режима. Если не случится амнистии или каких-либо других выгодных для братоубийцы обстоятельств, она выйдет на свободу в 50-летнем возрасте. Но, хотя российские «не столь отдаленные места» официально называются исправительными учреждениями, что-то плохо верится в то, что они помогут Ананию Гордеевичу или Елене исправить что-то в своем отношении к жизни и людям. Для них стоимость любой человеческой жизни – копейка. Думаю, не дороже оценивают они и собственную жизнь — иначе строили бы ее по другим законам.

Когда-то советские интеллигенты-атеисты на страницах газет часто и бурно спорили, доказывая, что добро, чтобы сохраниться в этом мире, должно иметь крепкие кулаки. На излете второго тысячелетия об этом уже почти не спорят. Добро должно быть добрым – это очевидно. Только, Боже мой, до чего же мизерна его величина!